ЛИТЕРАТУРА И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья поступила в редакцию: 05.10.2026
Статья принята к публикации: 12.10.2026
Статья опубликована: 21.10.2026

УДК 821.161.1.09

Мотив пути в поэме А.И. Одоевского «Василько»

Власова Злата Андреевна
магистрант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Воронежский государственный университет
Российская Федерация, г. Воронеж
E-mail: silver.grass.7093@gmail.com

The motif of the journey in A.I. Odoyevsky’s poem “Vasilko”

Vlasova Zlata Andreevna
Master’s Student Voronezh State University
Russian Federation, Voronezh

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей реализации мотива пути в русской романтической поэме на примере произведения поэта-декабриста А.И. Одоевского «Василько». Целью данной работы является выявление цели использования поэтом-декабристом хронотопа дороги и мотива пути как его инварианта для рассказа о жизни исторической личности. Научная новизна статьи обусловлена тем фактом, что мотив пути, будучи структурообразующим элементом сюжета, до сих пор не становился предметом специального исследования. В ходе анализа последовательно рассматривается как физическое движение главного героя через конкретные локусы (Теребовль, Киев, Белгород, Здвиженск и Владимир), так и его личностная трансформация, организуемые в тексте с помощью мотива пути. Методологическую основу составляют структурно-типологический, мотивный и сравнительно-сопоставительный методы. Методологической базой для исследования инициационного сюжета в поэме стала работа М.И. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики». Доказана связь мотива пути как структурообразующего элемента

Библиографическое описание: Власова З.А. Мотив пути в поэме А.И. Одоевского «Василько» // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 10(148). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23541

сюжета с идейным замыслом произведения, а также его автобиографический подтекст. Данная статья призвана привлечь исследовательское внимание к поэтическому наследию декабристов, литературная значимость которого остается недооцененной в настоящее время.

Abstract

This article examines the specific ways the “journey” motif is realized in the Russian Romantic narrative poem, focusing on the work “Vasilko” by the Decembrist poet A.I. Odoyevsky. The study aims to identify the poet's purpose in employing the “road” chronotope and the journey motif as its invariant to recount the life of a historical figure. The article’s relevance stems from the fact that the journey motif, despite serving as a structural element of the plot, has not yet been the subject of dedicated scholarly research. The analysis consistently examines both the protagonist’s physical movement through specific locations (Terebovl, Kyiv, Belgorod, Zdvizhensk, and Vladimir) and his personal transformation, elements structured within the text through the motif of the journey. The methodological framework relies on structural-typological, motif-based, and comparative-contrastive methods. M.M. Bakhtin’s “Problems of Literature and Aesthetics” served as the methodological basis for the study of the initiation narrative in the poem. The study establishes a link between the motif of the journey as a structural element of the plot and the work’s underlying conceptual design, while also highlighting its autobiographical subtext. This article aims to draw scholarly attention to the poetic legacy of the Decembrists, the literary significance of which remains undervalued today.

Ключевые слова: мотив пути, ослепление, поэма, герой, Василько, А.И. Одоевский.
Keywords: motif of the journey, blindness, narrative poem, hero, Vasilko, A.I. Odoevsky.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена тем фактом, что поэма А.И. Одоевского, несмотря на сохраняющийся интерес исследователей, остается недостаточно изученной. В настоящее время не предпринималось попыток обособленного анализа мотива пути, тогда как он является важнейшим элементом сюжетной организации произведения.

Цель исследования. Данное исследование имеет следующие цели: проанализировать мотив пути в поэме Одоевского «Василько» как структурообразующий элемент сюжета и определить его функции в художественной системе произведения

Материалы и методы

Материалом нашего исследования является поэма «Василько», занимающая важнейшее место в творчестве Одоевского и являющаяся единственным образцом данного жанра, созданным поэтом-декабристом. В качестве методологической основы используются структурно-типологический, мотивный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и обсуждение

В данной работе мы будем разграничивать два ключевых понятия «хронотоп» и «мотив». М.М. Бахтин, разработавший теорию хронотопа, дал следующее определение: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство)» [1; 234]. По вопросу о понятии мотива в настоящее время не существует единого мнения. А.Н. Веселовский предложил следующее определение, ставшее опорным для дальнейшей разработки понятия: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового поведения» [3; 305]. И.В. Силантьев отмечал, что «мотив <…> облекается в плоть непосредственного действия и взаимодействует с системой определённых персонажей, что, собственно, и выражается в формировании конкретного и уникального события. Именно событие является конечным выражением мотива в повествовании» [10; 117].

В данной статье мотив пути понимается нами как инвариант хронотопа дороги, получающий различные формы реализации в художественных произведениях. В литературоведении мотив пути наиболее часто квалифицируется как универсальный, а одним из его основных значений в русской литературе как правило является духовное становление, преодоление испытаний и личностный поиск.

Поэма «Василько» А.И. Одоевского была написана в 1829 – 1830 годах во время пребывания автора на каторге в Сибири. Научное осмысление творчества Одоевского началось в конце XIX века, после первой публикации его произведений, и имело преимущественно биографическую направленность. Определяя символический смысл произведения, Н.А. Котляревский писал: «Несчастный князь Василько, низвергнутый нежданно с высоты своего положения в такую пучину несчастия и смирившийся духом – был историческим призраком, в который Одоевский облек свое собственное настроение – то преклонение перед высшей волей, которой он сам свою несчастную судьбу доверил» [8; 49].

Комментируя трансформацию нарратива критических работ о творчестве Одоевского, Е.О. Белоусова отмечает: «Дореволюционные исследователи открыто заявляли о религиозности поэта, недооценивая при этом участие его в декабристском восстании; после революции литературоведы, напротив, в первую очередь рассматривали декабризм и его значении в жизни поэта, обходя при этом основополагающие религиозные настроения» [2; 13].

Летописной основой произведения послужила «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», где описывается пленение и последующее ослепление князя Василько Ростиславича его двоюродными братьями Святополком и Давидом, произошедшее вскоре после заключения русскими князьями мирного договора в Любече. Следуя хронологии событий, довольно кратко изложенных в «Повести», Одоевский выстраивает в произведении последовательно развертывающуюся линейную сюжетную структуру.

Первая песнь поэмы Одоевского имеет композиционное сходство с сюжетно-мотивной конструкцией, характерной для жанра героического эпоса. В первой песни мотив пути только начинает формироваться, непосредственно реализуясь в тексте уже в заключительных строфах. Однако условия, в которых начинается переломный этап литературной судьбы

Василько, и сопутствующие обстоятельства нуждаются в особом рассмотрении. Место действия первой песни – город Теребовль, где правит князь Василько Ростиславич. Ключевыми событиями этой части являются сбор княжеской дружины и жителей по призыву князя, подготовка к походу на Польшу в союзе с «торками», «берендеями» и половцами, и последующее выступление. Рассмотрение данной последовательности позволяет отметить композиционное сходство песни со структурой произведений жанра героического эпоса: «герой собирается на битву; герой видит предсказание; герой прощается с родными/ близкими; герой собирает дружину; герой делит добычу» [5; 18].

Замысел героя, созвавшего жителей Теребовля на собрание, – призвать их на войну против «ляхов». Именно в момент объявления похода начинается новый этап жизненного пути Василько как правителя и военачальника, сформировавшегося политика с определенной системой нравственных установок, умеющего говорить с подданными и пользоваться словом как «мягкой силой». Теребовльский князь добивается своих целей без усилий и в результате получает сплоченную боевую армию, готовую следовать за ним по одному его слову «“Все готовы за тобой!” – / Воскликнули и юноши, и мужи» [9; 119]. Как отмечает Н.П. Жилина, «Василько Ростиславич <…> ведет себя как умный и благородный правитель, радеющий о своем народе и проявляющий заботу о судьбе всей страны» [6; 70].

Основная мысль, содержащаяся в речи Василько, – это идея о важности народного благополучия и процветания «всей Руси православной», ради которого принимаются все возможные меры. По словам героя, договор, ранее заключённый между князьями в Любече, был подписан, в первую очередь, для примирения русского народа. Страдания родины, разоряемой междоусобными войнами ее «сыновей», окончились после крестоцеловальной клятвы, означающей нерушимость и искренность намерений всех князей. Так историческое событие становится завязкой сюжета в поэме.

Комплекс нравственных ценностей Василько (основного представителя христианской стороны конфликта мировоззренческих систем в поэме), отраженный в его монологе, актуализирует вертикальную структурную модель. Православный уклад жизни на Руси является залогом гармонии и порядка. Акцентируя внимание на заключении крестоцеловальной клятвы, Василько подчеркивает ее значение как фундамента мирной жизни для всех славян. Прекращение междоусобиц вернет русской земле милость Бога и покровительство Небес, необходимые для восстановления и процветания Руси.

Одоевский наследует фольклорной традиции изображения героя как бесстрашного и непобедимого воина. Монолог Василько также свидетельствует о религиозном мировоззрении теребовльского князя, безжалостного к врагам своей православной родины. Так, планируя захват «добычи», Василько акцентирует внимание на том, что «ляшское серебро» будет взято не для личного обогащения, а для украшения «соборного храма» и «домашних икон» всех жителей Теребовля, то есть послужит прославлению Божьего имени.

Реакция «толпы» на призыв князя последовать за ним в поход на поляков является показательной чертой в идеализированной модели взаимоотношений правителя и народа, выстроенной Одоевским в поэме. «Тысячеглавая толпа», превращающаяся в единый макро-организм, в порыве воодушевления, ставшего общим чувством для всех присутствующих, обещает Василько самое ценное, что она имеет: «Твои – наш конь, наш меч, вся наша

кровь!» [9; 119] Подобное обещание близко по своей функции к такому элементу воинской повести как «исполнение заповеди отречения»: герой жертвует чем-либо значимым ради бескорыстного желания приблизить победу, что является для него, по выражению В. Васильева, «гарантией спасения» в христианском понимании, то есть залогом пребывания его души на Небесах после земной кончины. Совершая подвиг самоотречения и самопожертвования ради благой цели, жители Теребовля переходят в статус будущих «воинов-мучеников», убежденных в правоте и благочестивости помыслов своего правителя и военачальника. По окончании речи народ провожает Василько восторженными «кликами» и, разойдясь «по домам», начинает подготовку к походу. «Младые» чистят коней, проверяют состояние мечей и копий и, слушая рассказы «отцов и дедов» о прежних воинских подвигах и победах прошлого, получают опосредованный инициационный опыт.

Анализ способов реализации мотива пути в первой песни не может быть завершен без рассмотрения важного эпизода прощания Василько с его женой, имеющего важное смысловое значение. Мстиславна обвиняет мужа в том, что с началом похода она утратит важность для князя, а ее место займет меч: «Теперь не я, а меч – твой друг любимый!» [9; 121] В разговоре с ней Василько обозначает направление своего задуманного пути: «Я проездом через Киев / Свершу обет; молебен отслужу / В обители святого Михаила…» [9; 122]. Однако Мстиславна, знающая о пророчестве гадалки, предчувствует, что его судьба будет иметь другой, трагический исход. Повторяемое ею восклицание «Черный путь!» означает не только несчастья, ожидающие Василько в военном походе, но и грядущее ослепление, в результате которого теребовльский князь проведет остаток жизни в темноте. Эта фраза маркирует негативную семантику мотива пути главного героя в поэме.

Пространственно-временное начало пути Василько и его войска обозначено в тексте опосредованно: выглядывающая из окна Мстиславна видит, как «последний строй <…> теснился в ворота» [9; 123]. Прохождение князя через ворота символизирует переход границы «своего», защищенного пространства. Отсутствие доспехов («Без шлема, без кольчуги / Поехал князь» [9; 124]) символизирует его доверие союзникам и праведность намерений.

Во второй и начале четвертой песни мы узнаем о продолжающемся пути Василько и его приближении к Киеву из разговора князя Давида с Туряком: «“Но будет ли он завтра?” “Едет он”» [9; 136]. За передвижением князя также следит языческий верховный жрец, использующий русалок и ведьм для получения точных сведений о его местонахождении: «На Рудице стан!» [9; 146] О том, что Василько был арестован Святополком и заключен в темницу, также говорит Давид. Этому разговору предшествовало вечевое собрание, на котором «граждане» Киева вели со своим князем шумный спор о судьбе Василька. Святополк боится того, что в результате восстания Василько займет киевский престол, а сам он лишится власти и поддержки народа: «Весь народ / Заступится за князя. Из темницы / Он мне назло исторгнет Василька…» [9; 149]. Поддаваясь психологическому давлению Давида и осознавая, что всенародная любовь к Васильке вскоре может перерасти в желание отомстить за его унижение, Святополк снимает с себя ответственность и передает Давиду право распоряжаться судьбой пленного князя по своему усмотрению.

В четвертой песни Василько проходит ряд жестоких испытаний. Спокойствие теребовльского князя, запертого в темнице, подтверждает чистоту его помыслов: «». Путь князя продолжается в тот момент, когда его выводят из темницы, однако теперь ему предстоит пройти ряд испытаний, первым из которых стали заключение в темницу и пребывание под арестом в тяжелых оковах. Не теряя достоинства, Василько по-прежнему уповает на Божественное милосердие, не пытаясь как-либо повлиять на свою судьбу. Улыбка, с которой князь обращает взгляд на небеса на пороге темницы, свидетельствует о его внутренней уверенности в том, что Бог действительно на его стороне. Примечательно, что от Василько скрывают направление, в котором должен отправиться конвой, то есть цель пути остается для героя неизвестной.

При каждом движении Василько раздается звон цепей, громыханием оков сопровождается даже крестное знамение, сотворяемое героем на пороге темницы. Акцент на звуковом уровне развивается в сцене перевозки теребовльского князя под конвоем в Белгород. Особенно громким шумом колес обозначается выезд из Киева через Золотые ворота. Одоевский подчеркивает, что этот стук мог и должен был разбудить спящих горожан, отозвавшись в сердцах. Народ, разошедшийся после веча, спит «мирным»/«ленивым» сном, оставив беспокойство о судьбе князя до следующего дня. Поставленный акцент на «всеобщности» и «беспробудности» этого сна позволяет провести семантическую связь с наваждением, сделавшим население целого города совершенно невосприимчивым к звукам. Именно в тот момент, когда Василько нуждается в помощи народа, ни единый житель Киева «не взглянет на него из состраданья» [9; 153].

Единственным из приближенных, отправившимся за князем, становится Михаил, крестный сын Василько. Его линия в произведении является вставным инициационным микро-сюжетом. Не способный спасти князя, «отрок» умоляет конвоиров позволить ему присоединиться к Васильке и разделить его участь. Ранение, которое наносит ему приближенный Давида, Василь, и беспомощность Михаила могут быть интерпретированы как состояние «символической смерти». Вторым героем, последовавшим за Василько, становится Боян, которому Михаил передает коня в надежде, что «певец» сможет догнать князя: «Спешу! Про все узнаю, / И в Теребовль на крыльях полечу» [9; 156].

Подготовка к символическому жертвоприношению и ослепление Василько осуществляются по приезде в Белгород, являющийся первой остановкой на «чёрном пути». Разведенный перед князем костер, в контексте хронотопа дороги обычно имеющий положительную коннотацию, здесь выступает как отрицательный символ. Свершение казни будет означать смену метафизического миропорядка: космическое гармоничное пространство свободной жизни под защитой Бога, «инструментом» распространения которого был Василько, неоднократно подчеркивавший важность крестного мира, разрушается. Приказывая ослепить Василька, Давид рассчитывает добиться признания его недееспособным, поскольку незрячий князь не смог бы выполнять функции военачальника и руководить войсками. Как утверждает Н.С. Ищенко, на Руси «ослепление князя не стало доминирующей практикой, более того, оно было отторгнуто народным сознанием. В 1069 г. произошло ослепление князя Василька Теребовльского. Это событие вызвало огромный резонанс» [7; 166].

Сцене ослепления предшествует изображение величественной зари, описанной Одоевским как свадьба «краснеющей невесты» и солнца, «исполина неба». Представление о природных явлениях как о результате слияния двух божеств имеет мифологическое происхождение и нередко встречается в мировой культуре. Однако Василько, в последний раз глядя на рассвет, вновь говорит о Спасе, «льющем свет и жизнь на землю» [9; 157]. В данном случае подобный синтез христианской веры и отголосков языческого миропонимания иллюстрирует представление князя о мировой гармонии и космическом порядке, символом которого является солнце. Примечательно, что подданные Давида позволяют князю прочитать утреннюю молитву, «набрасываясь» на него только после ее завершения.

Ослепление Василька является кульминационным моментом и соответствует одному из наиболее распространенных условий прохождения инициационного испытания, так называемому «запрету на зрение». В сцене казни все совершаемые действия обретают дополнительное ритуальное значение, расширяется семантика используемых предметов. Так, цепи, в которые закован Василько, в контексте инициационного испытания означают физическое отделение от «мира живых». С их помощью князь некоторое время оказывает сопротивление своим палачам и «цепями их разит», подобно былинному богатырю сражаясь сразу против троих приближенных Давида. Нож, использованный для ослепления Василька, имеет сходное значение в христианской и языческой культуре и на символическом уровне связан с жертвоприношением. В контексте сцены казни нож становится орудием свержения божественного гармонического миропорядка, олицетворяемого теребовльским князем.

Наиболее сложную семантику не только в данном эпизоде, но и в поэтике всего произведения имеет ковер. В первой песни Василько упоминает, что Любечский мирный договор был заключен на ковре, то есть подобии нейтральной переговорной площадки, одновременно выполнившей функции метафорического фундамента для налаживания дипломатических отношений между русскими князьями и постепенного восстановления благополучной жизни на Руси. После казни Василько ковер становится символом нарушения крестоцеловальной клятвы.

Предпоследним пунктом в пути Василько становится Здвиженск, где приближенные Давида останавливаются в доме у священника, который вынужден принимать в своем доме и угощать обедом грешников. В данном эпизоде важное значение в раскрытии символического уровня художественного текста имеет сорочка князя, которую «совлекают» и отдают «старице» для того, чтобы она отстирала пятна крови. В христианском сознании окровавленная рубашка отсылает, прежде всего, к плащанице Христа. Как отмечает А.С. Демин, «окровавленная сорочка превратилась в пронзительный знак мученичества» [4; 444]. Сетуя на то, что с него сняли сорочку, Василько с упрямством мученика, желающего продемонстрировать Богу свою невиновность, восклицает: «Нет, я хотел, одетый в кровь мою, / Предстать перед всевышнего судью» [9; 159].

Рубашку забирает Боян, чье появление и «исчезновение» во дворе священника представляются практически волшебными. «Нищий» отмечает: «На ней нужна мне кровь…» [9; 159], намекая таким образом на то, что окровавленная сорочка может стать вещественным доказательством клятвопреступления, совершенного русскими князьями. Из текста поэмы известно, что Боян намерен отправиться в Теребовль и, вероятно, рассказать о случившемся подданным Василько.

Священник, как представитель Бога на земле и еше один из сторонников космического гармоничного миропорядка в произведении, пытается противостоять неправедному земному суду князей, желая причастить теребовльского князя и подготовить его душу для суда Всевышнего. В речи героя сформулирована идея, ставшая главной в творчестве декабристов после 1825 года: наиболее объективно и справедливо оценить исторические события и поступки их участников могут только последующие поколения.

Конец пути для ослепленного Василько непосредственно номинирован в поэме: «Страдальца путь окончен» [9; 160]. Его снова заключают в «темницу», теперь в Владимире, где правит Давид. Василько окружает темнота, имеющая множественное значение в финале произведения: а) разрушение неустойчивого Любечского перемирия, за которым неизбежно последуют новые междоусобные войны, обрекающие Русь на долгие годы кровопролития; б) на метафизическом уровне это финал скрытого противостояния христианской гармонии и языческого хаоса, завершившийся победой последнего; в) физическая слепота Василько; г) погружение князя в его собственный внутренний мир, где после всех испытаний, несмотря на вербально выраженную преданность Богу, также зарождается хаос. Согласно летописи, ослепленный Василько вместе с братом Володарем принял участие в княжеских войнах и не только отомстил своим палачам, но и остался теребовльским князем до конца своих дней.

Заключение

Таким образом, мотив пути в поэме Одоевского «Василько» является структурообразующим элементом сюжета, обеспечивающим идейно-художественное единство произведения. Выбор исторической темы и ее реализация с использованием данного мотива обусловлены автобиографическим фактором. Показательная казнь, социальная изоляция и духовное ослепление, изображенные в поэме, отражают события, произошедшие с самим Одоевским и его единомышленниками.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. С. 234–281. – Москва: Искусство, 1975.
2. Белоусова, Е.О. Религиозно-нравственный смысл романтической лирики М.Ю. Лермонтова и А.И. Одоевского: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – / Белоусова Елена Олеговна, 2008. – 250 с.
3. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 406 с.
4. Демин, А.С. Символика и изобразительность в древнерусских произведениях XI–XIII вв. («Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника») / А.С. Демин // Герменевтика древнерусской литературы. – 2010. – № 14. – С. 438–456.
5. Ершова, И.В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) / И.В. Ершова // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 14–20.

6. Жилина, Н.П. Феномен духовной брани в поэме А.И. Одоевского «Василько» / Н.П. Жилина // Новый филологический вестник. – 2022. – № 2 (61). – С. 66–84. – DOI: 10.54770/20729316-2022-2-66.
7. Ищенко, Н.С. Ослепление претендента на престол в византийской и русской культуре / Н.С. Ищенко // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сент. 2022 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2022. – С. 163–176.
8. Котляревский, Н.А. Декабристы. Князь А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский (их жизнь и литературная деятельность) / Н.А. Котляревский. – Санкт. – Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 434 с.
9. Одоевский, А.И. Избранное / А.И. Одоевский. – Москва: Советская Россия, 1982. – 205 с.
10. Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

References

1. Bahtin M.M. [Voprosy literatury i estetiki]. – Moskva: Iskusstvo, 1975. – S. 234–281. (In Russ.).
2. Belousova E.O. Religiozno-nravstvennyj smysl romanticheskoj liriki M.YU. Lermontova i A.I. Odoevskogo: dis…. kand. fil. nauk: 10.01.01. / Belousova Elena Olegovna. – Moskva, 2008. – 250 s.
3. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika / A.N. Veselovskij. 406 s. – Moskva: Vysshaya shkola, 1989.
4. Demin A.S. Simvolika i izobrazitel'nost' v drevnerusskih proizvedeniyah XI – XIII vv. («Povest' vremennyh let», «Slovo o zakone i blagodati», «Slovo o polku Igoreve», «Slovo Daniila Zatochnika») / A.S. Demin // Germenevtika drevnerusskoj literatury. – 2010. – No. 14.
5. Ershova I.V. [K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy)] // Novyj filologicheskij vestnik. – 2017. – No. 2 (41). (In Russ.).
6. ZHilina N.P. [Fenomen duhovnoj brani v poeme A.I. Odoevskogo «Vasil'ko»] // Novyj filologicheskij vestnik. – 2022. – No. 2 (61). – P. 66–84. – DOI: 10.54770/20729316-2022-2-66. (In Russ.).
7. Ishchenko N.S. Osleplenie pretendenta na prestol v vizantijskoj i russkoj kul'ture // Vizantiya, Evropa, Rossiya: social'nye praktiki i vzaimosvyaz' duhovnyh tradicij. Arhiv konferencii. Vypusk 2: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 22–24 sentyabrya. – Peterburg: Izdatel'stvo RHGA, 2022. – P. 163–176.
8. Kotlyarevskij N.A. Dekabristy. Knyaz' A.I. Odoevskij i A.A. Bestuzhev-Marlinskij. (Ih zhizn' i literaturnaya deyatel'nost') / N.A. Kotlyarevskij. – Sankt. 434 s. – Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1907.
9. Odoevskij A.I. [Izbrannoe]. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1982. – 205 s. (In Russ.).

10. Silant'ev I.V. Poetika motiva / I.V. Silant'ev. 296 s. – Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004.